

УДК 343.843

РЕНАТА АНДРЕЕВНА ДАДАШЕВА,
Академия ФСИН России, г. Рязань, Российская Федерация,
e-mail: shiv-r@mail.ru

ПОНЯТИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА ЗА ЛИЦАМИ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ПРИМЕНЯЛИСЬ ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Реферат: раскрывается понятие «административный надзор», сущность административного надзора в отношении лиц, которым были назначены принудительные меры медицинского характера наряду или вместо исполнения уголовного наказания, дается авторское определение административного надзора за лицами, в отношении которых применялись принудительные меры медицинского характера.

Ключевые слова: административный надзор, принудительные меры медицинского характера, невменяемость, ограниченная вменяемость.

RENATA ANDREEVNA DADASHEVA,
Academy of the FPS of Russia,
Ryazan, Russian Federation,
e-mail: shiv-r@mail.ru

CONCEPT OF ADMINISTRATIVE SUPERVISION OF PERSONS TO WHOM COERCIVE MEASURES OF MEDICAL CHARACTER WERE APPLIED

Abstract: the concept *Administrative supervision*, the essence of administrative supervision concerning persons to whom coercive measures of medical character along with or instead of execution of criminal penalty have been appointed are revealed, the author's definition of administrative supervision of persons to whom coercive measures of medical character were applied is given.

Keywords: administrative supervision, coercive measures of medical character, insanity, limited sanity.

Административный надзор – это неоднозначное и сложное правовое явление, сложившееся в результате модернизации и реформирования различных научных концепций в рамках административного и полицейского права с учетом правовых и политических преобразований, происходивших в обществе и государстве. С одной стороны, на сегодняшний день административный надзор рассматривается как инструмент государственного управления, с другой – как механизм профилактики, предупреждения и пресечения противоправных деяний, защиты и охраны конституционных прав и свобод человека и гражданина. Однако такая двойственность административного надзора долгое время не воспринималась научной общественностью, что приводило к выделению двух самостоятельных правовых институтов с идентичным наименованием, но различным содержанием. В подтверждение данного утверждения сделаем краткий исторический экскурс в теорию административного права.

В Российской империи административный надзор рассматривался как специальный метод государственно-управленческой деятельности, реализуемый в отношении организационно неподчиненных субъектов. Его основная задача состояла в проверке соблюдения законности органами публичной власти при осуществлении ими своих полномочий. При этом в сферу административного надзора не входило наблюдение за законностью действий индивидуальных субъектов права, в том числе поведением лиц, освобожденных или освобождаемых из мест лишения свободы. Обозначенная функция реализовывалась в рамках так называемого полицейского надзора, носящего

правоохранительный характер. Например, в 1863 г. на основании Временных правил об устройстве полиции в городах и уездах губерний в Рязани было образовано городское полицейское управление, которому на начальном этапе работы было поручено наблюдение за лицами, в отношении которых устанавливался особый надзор по распоряжению судебных органов, полицмейстера либо губернского правления. Поднадзорными являлись лица, отбывшие наказание за ранее совершенные ими преступные деяния и подозреваемые в преступлении, а также политически неблагонадежные субъекты [1, с. 210]. Таким образом, изначально административный надзор носил не правоохранительный, а исключительно правозащитный характер.

Понятие «административный надзор» впервые было введено в научный оборот крупнейшим ученым-административистом А. И. Елистратовым. В своем курсе лекций «Административное право», вышедшем в 1911 г., он отмечал, что административный надзор является одним из средств обеспечения законности в управлении, применяемым в формах отчетности, ревизии и постоянного контроля [2, с. 52]. В своих последующих трудах А. И. Елистратов заменяет такую правовую форму, как «постоянный контроль», изначально включенную им в содержание административного надзора, категорией «постоянное наблюдение», которую, в свою очередь, фактически отождествляет с внешним контролем [3, с. 253–255]. По нашему мнению, подобная неопределенность в трактовке административного надзора отчасти была обусловлена тем, что перед А. И. Елистратовым стояла непростая задача по введению в уже сформировавшийся понятийный аппарат новой юридической конструкции, требующей тщательного обоснования ее правовой самодостаточности и отграничения от смежных категорий: прокурорского надзора, полицейского надзора, государственного контроля. При этом нельзя отрицать тот факт, что именно полицейский надзор, имевший правоохранительную направленность, изначально и оказал немаловажное влияние на формирование института административного надзора в его современном понимании. В частности, от полицейского надзора административный надзор перенял основную цель – обеспечение безопасности и общественного порядка, а также сопутствующую ей профилактическую функцию.

В целом, несмотря на то что теоретические разработки в сфере административного надзора в дореволюционной юридической литературе и его практическое выражение носили несистемный и весьма спорный характер, именно в тот период был заложен концептуальный фундамент данного правового явления. Однако формирование административного

надзора в качестве самостоятельного института административного права фактически произошло лишь к 60-м годам XX века.

Советские ученые-административисты полагали, что административный надзор имеет неоднородную структуру и его правовое содержание зависит от субъектов, осуществляющих надзор, а также от объектов, целей и задач надзора. Административный надзор рассматривался, во-первых, как специфическая функция правоохранительных органов по наблюдению за надлежащим исполнением специальных законодательно установленных правил и норм в целях обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, во-вторых, как особая функция государственных инспекций, учреждаемых при различных министерствах и ведомствах, по наблюдению за исполнением специальных правил и норм в сфере экологической, санитарной, технической безопасности и т. д., установленных уполномоченными на то органами государственной власти. По нашему мнению, подобное объединение двух самобытных правовых явлений в один институт и послужило основным катализирующим фактором возникновения многочисленных противоречивых точек зрения на природу административного надзора, его соотношение с государственным контролем.

Так, в ряде концепций административного надзора, сформировавшихся в теории административного права в советский период, отсутствовали четко выраженные критерии разграничения понятий «надзор» и «контроль», соотносившихся как часть и целое, что нередко приводило к их необоснованному отождествлению в процессе правотворческой и правоприменительной деятельности. Например, профессор В. Г. Вишняков отмечал, что в зависимости от компетенции органа власти, его места в системе государственного управления контроль может принимать форму инспектирования, общего надзора, контроля за соблюдением законности тех или иных действий, их целесообразностью и т. д. [4, с. 111], то есть среди представителей данного подхода утвердилось мнение, что административный надзор – это особая форма государственного контроля, имеющая узкопрофильный характер.

В других концепциях понятия «надзор» и «контроль» рассматривались либо как самостоятельные, отличные друг от друга способы обеспечения дисциплины и законности, но одновременно с этим схожие по отдельным элементам своего содержания (Ф. С. Разаренов, Е. В. Шорина и др.), либо как полностью независимые и самобытные категории (Н. М. Конин и др.).

По нашему мнению, более правильным представляется последнее суждение, поскольку между указанными правовыми явлениями больше различий, чем сходств. Так, административный надзор в отличие от контроля реализуется исключительно государственными органами исполнительной власти и их должностными лицами, как правило, обладающими юрисдикционными полномочиями; имеет надведомственный, а не внутриведомственный характер; использует ограниченный набор применяемых компетентными органами методов, сводящихся к проверке и систематическому наблюдению; предполагает проверку деятельности поднадзорного объекта только с точки зрения ее законности и соблюдения установленных правил, но не с точки зрения целесообразности; в совокупности выполняет следующие функции: правозащитную, правоохранительную, организационно-правовую и противодействия коррупции; осуществляется в рамках специального административно-надзорного производства и др.

Проблема соотношения понятий «надзор» и «контроль» характерна и для современной теории и практики российского административного права. Например, во многих статьях Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ указанные выше понятия употребляются как равнозначные, в частности в ст. 11.29, 14.28, 18.11, 18.12, 18.15, 18.18, 18.19, 19.2, 19.4, 19.5, 23.27. Представляется, что во избежание подобных правовых ошибок на сегодняшний день следует полностью отказаться от принятой еще в советский период трактовки термина «административный надзор» через понятие «контроль», а также пересмотреть его основные признаки.

Таким образом, под административным надзором мы предлагаем понимать особую форму государственно-управленческой деятельности, предназначенную для профилактики, предупреждения и пресечения противоправных деяний (действий или бездействия), выявления и устранения угроз безопасности обществу и государству, защиты и охраны конституционных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, реализуемую в рамках соответствующих административно-надзорных производств через законодательно установленные административные процедуры.

По нашему мнению, в условиях современности административный надзор также весьма целесообразно использовать как один из возможных способов воздействия государства в рамках административных правоотношений на лиц, которые на основании вступившего в законную силу приговора суда были:

1) осуждены к лишению свободы и прошли курс принудительного психиатрического лечения в

амбулаторных условиях ввиду наличия аномалий психики, не выходящих за рамки вменяемости. Здесь же отметим, что в юридической литературе толкование понятия «психическое расстройство, не исключающее вменяемости», как правило, осуществляется в рамках института «ограниченной вменяемости». Однако по справедливому замечанию знаменитого отечественного юриста и психолога С. В. Познышева, сделанному еще в начале XX века, подобный подход не совсем корректен, так как в границах уголовно-правовых отношений физическое лицо может быть либо вменяемым, либо невменяемым, и между этими состояниями «нет ничего посредствующего» [5, с. 199–200], то есть психическое расстройство, не исключающее вменяемости, это не болезненное состояние психики между вменяемостью и невменяемостью, а одна из разновидностей вменяемости, при которой у индивида в силу присущих ему личностно-характерологических аномалий, не выходящих за рамки психической нормы, проявляется сниженная способность действовать осознанно во время совершения преступления;

2) освобождены от уголовной ответственности за совершение преступления ввиду их невменяемости и прошли принудительное лечение в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Однако если вопросы реализации административного надзора за лицами с аномалиями психики в рамках вменяемости, в отношении которых принудительные медицинские меры применялись наряду с исполнением уголовного наказания, частично урегулированы Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ) и иными нормативно-правовыми актами, то вопросы осуществления административного надзора за лицами, страдающими психическими расстройствами, исключающими вменяемость, даже не попадают в поле зрения законодателя. Следовательно, на сегодняшний день надзор со стороны правоохранительных и иных компетентных органов за лицами, страдающими расстройствами психики, исключающими вменяемость, и к которым принудительные медицинские меры применялись вместо уголовного наказания, фактически отсутствует.

Представляется, что необходимость административного надзора за лицами, которым вместо уголовного наказания были назначены принудительные меры медицинского характера ввиду их невменяемости, отчасти обусловлена совокупностью следующих факторов:

1) на протяжении ряда последних лет прослеживается устойчивая тенденция роста числа рас-

смотренных судами общей юрисдикции ходатайств о прекращении, изменении или продлении применения принудительных мер медицинского характера в том числе к лицам, совершившим деяния, предусмотренные статьями Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, в состоянии невменяемости, либо у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания;

2) судебная практика свидетельствует о том, что лица, имеющие врожденные или приобретенные психические расстройства, исключаящие вменяемость, проявляют особую склонность как к повторному совершению преступлений, так и к совершению административных правонарушений. Подобные проявления противоправного поведения среди лиц рассматриваемой категории обусловлены сочетанием психопатологических мотиваций (обострение заболевания психики, возникновение явлений психического автоматизма и др.) и различных внешних факторов, воздействующих на такого индивида: социально-бытовое неблагополучие больного, отсутствие должного лечения или недостаточная эффективность методов применяемого принудительного лечения, ненадлежащий надзор со стороны уполномоченных органов и должностных лиц и др. Все это, в свою очередь, может свидетельствовать о несовершенстве существующей системы профилактики правонарушений, частью которой является административный надзор;

3) повышенная социальная опасность лиц, страдающих психическими расстройствами, исключаящими возможность осознавать такими лицами фактический характер и общественную опасность своих деяний и (или) руководить ими. Большинство индивидов рассматриваемой категории отличаются полной или частичной асоциальностью, имеют низкие моральные устои, напряженные отношения с близкими родственниками, агрессивны, представляют потенциальную опасность для себя и окружающих, тяжело поддаются лечению и исправлению;

4) иные факторы.

Таким образом, весьма нецелесообразно оставлять без должного надзора со стороны правоохранительных органов индивидов, признанных вступившим в законную силу приговором суда невменяемыми и прошедших курс принудительного лечения в психиатрическом стационаре. Полагаем, что административный надзор как возможный способ воздействия государства в рамках административных правоотношений на лиц с расстройствами психики, исключаящими вменяемость, поможет снизить уровень их потенциальной опасности для об-

щества, что свидетельствует о полезности его установления в административном праве.

Что же касается административного надзора за лицами, в отношении которых принудительные меры медицинского характера применялись наряду с исполнением уголовного наказания в виде лишения свободы, то российское законодательство косвенно допускает его реализацию.

Во-первых, Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ предусматривает установление по решению суда административного надзора в отношении совершеннолетних лиц, освобожденных или освобождаемых из мест лишения свободы и имеющих неснятую или непогашенную судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления либо преступления при рецидиве преступлений или умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего. В научной литературе обособленно подчеркивается тот факт, что лица, имеющие психические расстройства, не исключаящие вменяемости, проявляют повышенную склонность к рецидиву преступлений, обусловленную преобладанием психопатологической мотивации. Как отмечает Е. А. Антонян, удельный вес рецидивистов, страдающих теми или иными психическими расстройствами непатологического характера, составляет около 57,6 % [6, с. 35]. Что касается структуры данного вида рецидивной преступности, то она во многом обусловлена конкретными типами психических расстройств, не исключаящих вменяемости. Например, среди противоправных общественно опасных деликтов, совершаемых индивидами с легкой умственной отсталостью, преобладают корыстные имущественные преступления (кражи, грабежи и т. п.). Те же, кому присущи черты какой-либо формы (форм) психопатии личности, обнаруживают склонность к насильственным преступлениям (причинение вреда здоровью различной степени тяжести, убийства и т. п.) [7, с. 68]. Примечательно, что примерно 63–68 % лиц, совершивших насильственные преступления, имеют серьезные психические отклонения непатологического характера [8, с. 201]. Следовательно, среди поднадзорных можно выделить небольшую по численности группу преступников-рецидивистов, имеющих аномалии психики, не выходящие за рамки вменяемости, и прошедших принудительное лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях.

Во-вторых, Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ предусматривает установление по решению суда административного надзора в отношении лиц, совершивших в возрасте старше восемнадцати лет преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающих расстройством

сексуального предпочтения, не исключаям вменяемости (педофилией).

Таким образом, на сегодняшний день назрела необходимость теоретического и практического обоснования института административного надзора за лицами, в отношении которых применялись принудительные медицинские меры [9, с. 86–88; 10, с. 6–8].

Под административным надзором за лицами, в отношении которых применялись принудительные меры медицинского характера, мы предлагаем понимать реализуемую в рамках соответствующих административно-надзорных производств через законодательно установленные административные процедуры специальную форму публичного управления, предназначенную для профилактики, пре-

дупреждения и пресечения противоправных деяний, совершенных лицами, которые в силу наличия того или иного расстройства психики не могли в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих преступных деяний либо руководить ими и в отношении которых по основаниям, предусмотренным Уголовным кодексом Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами, прекращено применение принудительных мер медицинского характера, назначенных судом за ранее совершенное в подобном психическом состоянии преступление, а равно для выявления и устранения угроз безопасности обществу и государству со стороны указанной категории лиц, защиты и охраны конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Библиографический список

1. Дадашева Р. А. К проблеме организации правоохранительной деятельности в России рубежа XIX–XX вв. (на материалах Рязанской губернии) // Гуманитарно-пенитенциарный вестник : науч.-публицист. альманах. Рязань, 2012. Вып. 6. С. 207–213.
2. Елистратов А. И. Административное право : лекции. М., 1911. 235 с.
3. Елистратов А. И. Основные начала административного права. М., 1917. 294 с.
4. Вишняков В. Г. Структура и штаты органов советского государственного управления. М., 1972. 278 с.
5. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть. М., 1912. 668 с.
6. Антонян Е. А. О необходимости изучения личностных особенностей рецидивистов // Рецидивная преступность и пути ее преодоления : материалы выездного заседания Региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов». Рязань, 2011. С. 33–37.
7. Гришко Л. Е. К вопросу об участии в судебном заседании потерпевшего и представителя исправительного учреждения при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний : сб. материалов Международ. науч.-практ. конф. : в 2 т. Рязань, 2016. Т. 2. С. 67–70.
8. Степашин В. М. Лечение лиц, страдающих алкоголизмом или наркоманией, как уголовно-правовая принудительная мера медицинского характера // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2014. № 2(39). С. 200–206.
9. Павлова Л. В., Поникаров В. А. Всероссийский научно-практический семинар «Административная деятельность правоохранительных органов Российской Федерации и зарубежных стран» // Административное право и процесс. 2016. № 9. С. 86–88.
10. Павлова Л. В., Поникаров В. А. О Всероссийском научно-практическом семинаре «Административная деятельность правоохранительных органов Российской Федерации и зарубежных стран» // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 3. С. 6–8.

Литература

1. Антонян, Е. А. О необходимости изучения личностных особенностей рецидивистов [Текст] / Е. А. Антонян // Рецидивная преступность и пути ее преодоления : материалы выездного заседания Региональной общественной организации «Союз криминалистов и криминологов». – Рязань, 2011. – С. 33–37.
2. Вишняков, В. Г. Структура и штаты органов советского государственного управления [Текст] / В. Г. Вишняков. – М., 1972. – 278 с.
3. Гришко, Л. Е. К вопросу об участии в судебном заседании потерпевшего и представителя исправительного учреждения при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного [Текст] / Л. Е. Гришко // Уголовно-исполнительная политика и вопросы исполнения уголовных наказаний : сб. материалов Международ. науч.-практ. конф. : в 2 т. – Рязань, 2016. – Т. 2. – С. 67–70.

4. Дадашева, Р. А. К проблеме организации правоохранительной деятельности в России рубежа XIX–XX вв. (на материалах Рязанской губернии) [Текст] / Р. А. Дадашева // Гуманитарно-пенитенциарный вестник : научно-публицистический альманах. – Рязань, 2012. – Вып. 6. – С. 207–213.
5. Елистратов, А. И. Основные начала административного права [Текст] / А. И. Елистратов. – М., 1917. – 294 с.
6. Елистратов, А. И. Административное право [Текст] / А. И. Елистратов : лекции. – М., 1911. – 235 с.
7. Павлова, Л. В. Всероссийский научно-практический семинар «Административная деятельность правоохранительных органов Российской Федерации и зарубежных стран» [Текст] / Л. В. Павлова, В. А. Поникаров // Административное право и процесс. – 2016. – № 9. – С. 86–88.
8. Павлова, Л. В. О Всероссийском научно-практическом семинаре «Административная деятельность правоохранительных органов Российской Федерации и зарубежных стран» [Текст] / Л. В. Павлова, В. А. Поникаров // Уголовно-исполнительное право. – 2016. – № 3. – С. 6–8.
9. Познышев, С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть [Текст] / С. В. Познышев. – М., 1912. – 668 с.
10. Степашин, В. М. Лечение лиц, страдающих алкоголизмом или наркоманией, как уголовно-правовая принудительная мера медицинского характера [Текст] / В. М. Степашин // Вестник Омского университета. – Сер. Право. – 2014. – № 2(39). – С. 200–206.

References

1. Antonjan E. A. O neobhodimosti izuchenija lichnostnyh osobennostej recidivistov [The need to study the personal characteristics of offenders]. *Recidivnaja prestupnost' i puti ee preodolenija* : materialy vyeznogo zasedanija Regional'noj obshhestvennoj organizacii «Sojuz kriminalistov i kriminologov» [Recurrent crime and ways of its overcoming]. Ryazan, 2011, pp. 33–37.
2. Vishnjakov V. G. *Struktura i shtaty organov sovetskogo gosudarstvennogo upravlenija* [Structure and states of bodies of the Soviet public administration]. Moscow, 1972. 278 p.
3. Grishko L. E. K voprosu ob uchastii v sudebnom zasedanii poterpevshego i predstavitelja ispravitel'nogo uchrezhdenija pri rassmotrenii voprosa ob uslovno-dosrochnom osvobozhdenii osuzhdenного [To the question of participation in the hearing of the victim and the representative of the correctional institution when considering parole of a convict]. *Ugolovno-ispolnitel'naja politika i voprosy ispolnenija ugolovnyh nakazanij* : sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. [Proc. the International scientific-practical conference "Penal policy and the execution of criminal penalties"]. In 2 vol. Ryazan, 2016, vol. 2, pp. 67–70.
4. Dadasheva R. A. K probleme organizacii pravooxranitel'noj dejatel'nosti v Rossii rubezha XIX–XX vv. (na materialah Rjazanskoj gubernii) [To a problem of the organization of law-enforcement activity in Russia of a boundary of the XIX–XX centuries (on materials of the Ryazan province)]. *Gumanitarno-penitencijarnyj vestnik* : nauchno-publicisticheskij al'manah [Humanitarian and penitentiary messenger]. Ryazan, 2012, vol. 6, pp. 207–213.
5. Elistratov A. I. *Administrativnoe pravo* [Administrative law]. Moscow, 1911. 235 p.
6. Elistratov A. I. *Osnovnye nachala administrativnogo prava* [The basic principles of administrative law]. Moscow, 1917. 294 p.
7. Pavlova L. V., Ponikarov V. A. O Vserossijskom nauchno-prakticheskom seminare «Administrativnaja dejatel'nost' pravooxranitel'nyh organov Rossijskoj Federacii i zarubezhnyh stran» [About the All-Russian scientific and practical seminar "Administrative activity of law enforcement agencies of the Russian Federation and foreign countries"]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal law*, 2016, no. 3, pp. 6–8.
8. Pavlova L. V., Ponikarov V. A. Vserossijskij nauchno-prakticheskij seminar «Administrativnaja dejatel'nost' pravooxranitel'nyh organov Rossijskoj Federacii i zarubezhnyh stran» [All-Russian scientific and practical seminar "Administrative activity of law enforcement agencies of the Russian Federation and foreign countries"]. *Administrativnoe pravo i process – Administrative law and process*, 2016, no. 9, pp. 86–88.
9. Poznyshev S. V. *Osnovnye nachala nauki ugolovnogo prava. Obshchaja chast'* [The basic principles of the criminal law science. The General part]. Moscow, 1912. 668 p.
10. Stepashin V. M. Lechenie lic, stradajushhijh alkogolizmom ili narkomaniej, kak ugolovno-pravovaja prinuditel'naja mera medicinskogo haraktera [Treatment of the persons having alcoholism or drug addiction as a criminal and legal coercive measure of medical character]. *Vestnik Omskogo universiteta. Serija: Pravo – Bulletin of Omsk unstitut. Series: Law*, 2014, no. 2(39), pp. 200–206.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дадашева Рената Андреевна – преподаватель Института Академии ФСИН России по кафедре административного и финансового права, г. Рязань, Российская Федерация, e-mail: shiv-r@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dadasheva Renata Andreevna – lecturer of the Institute the Academy of the FPS of Russia, administrative and financial law department, Ryazan, Russian Federation, e-mail: shiv-r@mail.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дадашева, Р. А. Понятие административного надзора за лицами, в отношении которых применялись принудительные меры медицинского характера / Р. А. Дадашева // Уголовно-исполнительное право. – 2017. – Т. 12(1–4), № 4. – С. 457–463.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dadasheva R. A. Ponjatie administrativnogo nadzora za licami, v otnoshenii kotoryh primenjalis' prinuditel'nye mery medicinskogo haraktera [Concept of administrative supervision of persons to whom coercive measures of medical character were applied]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal law*, 2017, vol. 12(1–4), no. 4, pp. 457–463.